

M A T E R I A Ł Y I R E C E N Z J E

ROCZNIKI HUMANISTYCZNE
Tom LXIII, zeszyt 7 – 2015

DOI: <http://dx.doi.org/10.18290/rh.2015.63.7-14>

ЛИДИЯ СПИРИДОНОВА

ИЗ ПЕРЕПИСКИ М. ГОРЬКОГО И П. РУТЕНБЕРГА

В советском литературоведении тема „М. Горький и П. Рутенберг” фактически не существовала, так как была под цензурным запретом. Только во второй половине XX века за рубежом, главным образом, в Израиле, появились первые серьезные работы на эту тему, а в XXI в. – в России¹. Петр (Пинхус) Моисеевич (Мошевич) Рутенберг (партийный псевдоним Мартын, 1879-1942) – инженер, видный деятель эеровской партии, один из основателей государства Израиль, общался с Горьким с 1905 г. до 1936 г. В их неизданной переписке, насчитывающей более 20 документов, поднимаются вопросы о революции 1905 г., о смерти священника Г. Гапона, о деятельности эеровской партии в 1907-09 г.г., об итало-русских культурных связях, о контактах Горького со строителями возникающего еврейского государства Эрец-Исраэль.

Рутенберг более всего известен как глава первой электрической компании „Хеврат Хашмаль” в Палестине. Однако его имя часто упоминается на страницах исторических трудов, посвященных 9 января 1905 г. и убийству священника Г. Гапона. В день Кровавого воскресенья состоялась встреча Горького и Рутенберга у писателя дома. Знакомы они были

Проф. Лидия Спиридонова – Kierownik oddziału Instytutu Literatury Światowej im. Gorkiego; adres do korespondencji: ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, 121069 Москва, ул. Поварская 25а; e-mail: spirid@mail.ru

¹ В. ХАЗАН, *Пинхас Рутенберг. От террориста к сионисту*, т. I-II, Иерусалим–Москва 2008.

раньше. Возможно, их познакомил Л. Б. Красин, который с 1903 г. был близким другом писателя и М. Ф. Андреевой. Во всяком случае, к 1905 г. П. Рутенберг уже входил в круг людей, часто бывавших у Горького. Среди них можно назвать члена эсеровского ЦК Н.Ф. Анненского, члена ЦК РСДРП(б) Л.Б. Красина, миллионера Савву Морозова и др. Горький не раз упоминал об этом в очерках *Леонид Красин*, *Савва Морозов*, *Н. Ф. Анненский* и др. Вспоминая о своих встречах с революционерами в период подготовки декабрьского вооруженного восстания 1905 года, он писал:

Было это в Куоккале, летом 1905 г. Н.Г. Гарин привез мне для передачи Л. Б. Красину в кассу партии 15 и 25 тысяч рублей и попал в компанию очень пеструю, скромно говоря. В одной комнате дачи заседали с П.М. Рутенбергом два еще не разоблаченных провокатора – Евно Азеф и Татаров. В другой меньшевик Салтыков беседовал с В.Л. Бенуа о передаче транспортной техники „Освобождения” петербургскому комитету, и, если не ошибаюсь, при этом присутствовал тоже еще не разоблаченный Доброскок- Николай Золотые Очки².

О роли Рутенберга в событиях Кровавого воскресенья написано достаточно много, хотя не все сведения достоверны. Судя по воспоминаниям Рутенберга, квартира Горького была одним из хорошо известных ему надежных мест, где можно было спрятать Гапона после расстрела демонстрации. Именно здесь остриженный и переодетый Рутенбергом священник написал под его диктовку письмо рабочим, которое начиналось словами: „Братья, спаянные кровью! У нас нет больше царя”³.

С помощью Горького Гапона переправили за границу, где он встречался с деятелями революционных партий: Г. Плехановым, В. Лениным, П. Кропоткиным, Е. Азефом, а также с Ж. Жоресом и У. Пальме. Рутенберг сопровождал его всюду, договариваясь о встречах. Весной 1905 г. Гапон опубликовал *Открытое письмо к социалистическим партиям России* с призывом объединиться для свержения самодержавия. Но уже летом стал рассылать письма рабочим-гапоновцам, полные злых и несправедливых выходок против революционной интеллигенции. Вернувшись в Россию в конце декабря 1905 г., он вступил в переговоры с правительством, получив от премьер-министра С.Ю. Витте 30000 рублей на

² М. Горький, *Полное собрание сочинений*, т. XX, *Художественные произведения*, Москва 1974, с. 39.

³ Г.А. ГАПОН, *Священника Георгия Гапона ко всему крестьянскому люду воззвание*, Издание Партии Социалистов-Революционеров 1905.

возрождение 11 отделений рабочих организаций, подконтрольных охранке. Более того он стал уговаривать Рутенберга за деньги выдать полиции Боевую организацию эсеров.

Рутенберг, которого даже в охранке считали непреклонным человеком и убежденным революционером, сообщил о разговоре с Гапоном в ЦК партии эсеров. Влиятельный член этой партии Е.Ф. Азеф предложил ему расправиться с Гапоном. 28 марта 1906 г. трое боевиков эсеровской боевой группы (А.А. Дикгоф-Деренталь и др.), возглавляемые Рутенбергом, заманили Гапона на дачу в Озерки и повесили. Сам Рутенберг в казни не участвовал, он лишь разоблачил священника на глазах товарищей и вышел на балкон. Он был уверен, что „пригласил партийных людей для участия в партийном деле”, однако Азеф отказался подтвердить свой приказ. Он был лично заинтересован в устранении Гапона, боясь собственного разоблачения, поэтому фактически „подставил” Рутенберга. ЦК партии эсеров счел его действия самостоятельными и не санкционированными руководством. В „Постановлении ЦК” говорилось: „ЦК единогласно считает устранение личности Гапона Вашим частным предприятием, в котором Вы действовали самостоятельно и независимо от решения ЦК”⁴. Это постановление стало страшным ударом для Рутенберга: под сомнение были поставлены его честь и порядочность. В состоянии, близком к помешательству, он уехал в Италию и в начале 1907 г. поселился на Капри у Горького.

М.Ф. Андреева сообщила И.П. Ладыжникову:

Поселился у нас на Капри двоюродный брат мой Василий Петрович. Вы его помните? Как человека я его очень люблю, и сейчас он в таком тяжелом душевном состоянии, что приласкать его необходимо, но не скажу я чтоб радовало меня его присутствие⁵.

Рутенберг, именуемый в целях конспирации также Василием Федоровичем, прожил в доме Горького до начала июня 1907 г. и доставил ему немало хлопот. В состоянии депрессии он находил общий язык только с Леонидом Андреевым, приехавшим на Капри после смерти любимой жены. Рассказанная им страничка собственной жизни легла в основу нашумевшего андреевского рассказа *Тьма* и надолго поссорила Горького и Андреева.

⁴ *Убийство Гапона. Записки П.М. Рутенберга*, „Былое” 1925, с. 92.

⁵ Архив А.М. Горького при ИМЛИ РАН, ПТл-2-1-17.

Тем не менее именно на Капри друзья помогли Рутенбергу пережить наиболее тяжелую полосу жизни и превратиться из „убежденного революционера” в человека, решившего посвятить свою жизнь не разрушению, а созиданию. Горький побудил его написать воспоминания о „деле Гапона” и обещал опубликовать их в берлинском издательстве И.П. Ладыжникова. Именно он настойчиво советовал Рутенбергу перестать заниматься „делишками скандальными”, имея в виду тяжбу с эсерами и попытки доказать свою невиновность, и найти настоящее дело в жизни. Вспоминая об этом, Рутенберг писал: „что на Капри

Нерадостные итоги своей революционной деятельности подвел. В безукоризненности итогов блестящей деятельности других усомнился. И очутился над пропастью душевного банкротства. Только душевная поддержка окружавших друзей помогла мне в тяжелой борьбе с самим собою⁶.

Уехав с Капри в Геную, затем в Милан, Рутенберг, действительно, занялся *своим* делом: осваивал проблемы ирригации и гидротехники, налаживал торговые и культурные связи с Россией. Вплоть до начала 1 мировой войны он помогал созданию итало-русского издательства, которое возникло совместно с Обществом итальянских писателей в 1913 году. Потеряв веру в революцию, Рутенберг как натура цельная и сильная нашел иную цель в жизни – борьбу за независимость еврейского народа. Он написал по-русски книгу „Национальное возрождение еврейского народа”, выступал за создание организации „За еврейское дело” и „Еврейского легиона”, считал, что нужно помочь Англии использовать победу в мировой войне для создания независимого еврейского государства.

Февральская революция вернула Рутенберга в Россию. В июле 1917 г. он уже был назначен А.Ф. Керенским заместителем военного губернатора Петрограда, а 3 ноября включен в Высший Совет, наделенный чрезвычайными полномочиями по охране закона и порядка. Но действовать ему пришлось недолго: во время штурма Зимнего дворца вместе с министрами Временного правительства он был арестован и посажен в Петропавловскую крепость, потом в „Кресты”. Рутенберга опять спасли М.Ф. Андреева и Горький, который поручился за него перед Лениным. Недолго поработав в Москве руководителем промышленного отдела Всероссийского Союза кооператоров, а в Одессе советником Комитета обо-

⁶ *Убийство Гапона...*, с. 97.

роны и продовольствия, Рутенберг вместе с французскими войсками в апреле 1919 г. отплыл на пароходе „Кавказ” в Париж, а в октябре того же года навсегда уехал в Палестину. Перед отъездом, он получил деньги от Джеймса Ротшильда на ирригацию и электрификацию этой страны.

Палестина была в ту пору британской подмандатной территорией, и только в 1922 г Лига наций выдала Великобритании мандат на управление страной. Поэтому Рутенбергу приходилось сталкиваться с немалыми трудностями, чтобы получить разрешение на строительство двух электростанций – на реках Яркон и Иордан. Обе они со временем обеспечили светом и водой Палестину. Но раньше нужно было осушить болота, восстановить почву и найти инвесторов. Только в 1923 г. при поддержке У. Черчилля Рутенбергу удалось создать собственную электрическую компанию.

Часто приезжая в Европу по делам, он не раз встречался с Горьким, жившим в Сорренто, пока тот не уехал окончательно в Советский Союз. Их переписка возобновилась в 1925 году, когда Рутенберг, став богатым, не просто вернул Горькому деньги, взятые займы его женой в 1907 г. Он искренне поблагодарил писателя за помощь ему и его семье в тяжелый период жизни. Художник Ф.С. Богородский вспоминал, что видел Рутенберга в гостях у Горького в Сорренто в апреле 1930 г. :

Однажды к нам приехал на несколько дней из Берлина инженер П. М. Рутенберг – известный революционный деятель 1905 года, прославившийся тем, что организовал убийство провокатора Гапона, – виновника Петербургских январских событий. Рутенберг – среднего роста, уже обрюзгший и полнеющий человек, – был очень интересный собеседник. Надо было послушать беседы с Алексеем Максимовичем, который блистал такими тонкими определениями окружавших его людей в старые годы, таким знанием русского революционного движения, что можно было только подивиться. Рутенберг рассказывал подробности нашумевшей в свое время истории повешения Гапона на даче близ Питера, причем эти подробности были подавляюще натуралистичны⁷.

Судя по словам Ф. Богородского, Рутенберг заехал к Горькому по дороге в Калабрию, где работал над проблемой орошения земли по заданию итальянского правительства. У него были неплохие отношения с Б. Муссолини, поэтому с ним заключали контракты. К этому времени сам он стал главой Национального Совета (Ваад Леуми), органа еврейского самоуправления и пользовался огромным авторитетом в Эрец-Исраэле.

⁷ Архив А.М. Горького при ИМЛИ РАН, МоГ-2-40-21.

Однако, для Горького, как для большинства его гостей, Рутенберг был неразрывно связан с делом Гапона. Поэтому он известил Рутенберга о появлении книги С.А. Мстиславского *Смерть Гапона* (Москва: изд. „Огонек”, 1928), где эсер Мартын был изображен весьма субъективно. Еще более „фантастическим” показалось Горькому описание убийства Гапона в романе Мстиславского *На крови* (Москва-Ленинград: ГИЗ, 1928). Сам участник революционных событий 1905-6 г.г. в Москве и Петербурге, Мстиславский тяготел к дешевой беллетризации событий, и в романе изобразил Мартына расчетливым режиссером кровавой сцены. Понуждая Рутенберга ответить на книги Мстиславского, Горький и сам пытался вновь разобраться в событиях 1905 года, так как писал в это время *Жизнь Клима Самгина*. Но Рутенберг, обиженный, что историк, профессор П.Е. Щеголев перепечатал в Советском Союзе *Дело Гапона* под заглавием *Убийство Гапона* (Ленинград 1925), не известив об этом автора, отказался объясняться с Мстиславским. Судя по ответу, ему не хотелось вспоминать события давних лет.

Постоянной темой переписки Горького и Рутенберга становится судьба его сыновей, Анатолия и Евгения, живших с матерью О.Н. Хоменко в СССР. Заботясь об их будущем и желая повидаться с выросшими детьми в Европе, Рутенберг просил помочь им получить визы. Старшего сына, инженера-электрика, с помощью М.Ф. Андреевой удалось в 1930 г. отправить на учебу в Берлин, дочь Валентина тоже увиделась там с отцом. Но младшему сыну, студенту-биологу, так и не дали визу, хотя к хлопотам подключилась Е.П. Пешкова. Чтобы понять трагизм личной жизни Рутенберга, процитируем строки из его письма О.Н. Хоменко:

Жизнь свою я строю так, как считаю правильным для себя и других. Свой долг я должен исполнить не только по отношению к моим детям, но и к моему народу, с которым теперь связан смертными узами. И исполню. С дороги этой не сверну, чего бы мне это не стоило⁸.

Решение „мировых проблем” оказалось для Рутенберга важнее личных отношений. Электрификация и ирригация Палестины способствовали превращению пустыни в цветущий оазис, а быстрое развитие Эрец-Исраэля в политическом, техническом и культурном отношениях вело к созданию самостоятельного еврейского государства Израиль, мечте всей его жизни.

⁸ В. ХАЗАН, *Пинхас Рутенберг...*, с. 292.

После 1930 года встречи Рутенберга с Горьким фактически прекратились, а обмен письмами происходил только по очень важным поводам: освобождение раввина И. Абрамского из ссылки, замысел книги о достижениях в Эрец-Исраэле, смерть Максима Пешкова, на которую Рутенберг откликнулся теплым письмом, попытка встретиться с сыном Евгением в Англии в 1931 г., просьба помочь ректору Иерусалимского университета Е Магнесу передать в библиотеку университета ценную коллекцию барона Гинзбурга.

Рутенберг пытался встретиться с Горьким в Европе, но после 1933 года писатель больше не выезжал из Советского Союза. Тем не менее продолжались контакты с близкими писателя. Рутенберг много лет переписывался с Марией Федоровной Андреевой, Екатериной Павловной Пешковой и Марией Игнатьевной Будберг, всегда интересуясь здоровьем писателя и передавая ему приветы. Последнее письмо Рутенберга Горькому датировано 9 апреля 1936 года. Неизвестно, дошло ли оно до адресата.

Узнав о смерти Горького Рутенберг 19 июля 1936 года дал в Москву телеграмму, адресованную близким:

С величайшим уважением и печалью храню свою память о великом Учителе моего поколения и дорогом друге. Пожалуйста, примите мои соболезнования. Рутенберг⁹.

Ниже публикуются два письма из переписки Горького и Рутенберга, написанные осенью 1928 года. Письма печатаются по автографам из Архива А.М. Горького. Работа сделана при поддержке РГНФ (грант 14-04-00167а).

1.

М. Горький – П. Рутенбергу¹⁰

30 октября 1928. Сорренто.

Посылаю Вам, Петр Моисеевич, книжку Мстиславского (1), полагая, что для Вас будет интересно познакомиться с этим сочинением. Мстиславского, – по всем его книгам, – я считаю писателем „фантастическим” (2). Если б Вы поже-

⁹ Там же, с. 276.

¹⁰ Печатается по А (АГ). Впервые не полностью: В. ХАЗАН, *Пинхас Рутенберг. От террориста к сионисту*, т. I-II, Иерусалим–Москва 2008, с. 148.

лали возразить ему, пошлите возражение мне, я приму все меры, чтоб оно было опубликовано.

Как живете?

Всего доброго.

А. Пешков.

30.X.28.

2.

П.Рутенберг – М. Горькому¹¹.

18 ноября 1928 . Хайфа

Дорогой Алексей Максимович.

Сочинение Мстиславского получил (1). Спасибо, что обратили мое внимание и за предложение использовать Ваше влияние, чтобы опубликовать мое возражение (2).

Но думаю, что *мне* возражать Мстиславскому не приходится. Не достойно. И не интересно. Если бы случайно встретить этого „бывшего товарища” за пределами его теперешней недостижимости, искромсал бы ему физиономию. Но не больше.

Мне кажется, что в связи с этим сочинением стоит другой вопрос. Мстиславский, хоть и „ фантастический писатель”, как Вы его назвали (3), но писатель русский. Обращаться так бесцеремонно, для цели тиража, с именем не только живых, но даже умерших уже людей не было в нравах русской литературы. Не думаю, чтоб это было допустимо даже в теперешнее мутное и смутное время. Вы имеете некоторое касательство к русской литературе и ответственны за ее нравы. Вам виднее, надо ли и если надо, то как реагировать в данном случае. По-моему, надо.

Живу, пожалуй, хорошо. Тяжело, но хорошо (4). Создал инструмент, мою работу, на которой существа физически слабые, душевно растерянные становятся здоровыми, дисциплинированными, полезными и достойными людьми Слишком много еще разочаровывает. Но все больше уже по делу.

Теперь можно было бы развернуть в гораздо большем масштабе. Но я устал сильно. Думаю, что хватит с меня „заботиться о благе человечества”. Хочу в отставку. Для самого себя пора итоги подводить. Очень беспокойной, но далеко недостаточно продуктивной оценки.

Прочел два тома „Самгина” (5). С нетерпением жду продолжения. Здесь еще нет. Большие и важные вопросы формулируете.

¹¹ Печатается по А(АГ) впервые.

Газеты здесь читаю мало. И нерегулярно. Случайно узнал, что Вы были очень больны и уехали в Берлин (6). Что Вы опять в Sorrento узнал только из Вашего письма. Как Ваше здоровье? Теперь? Его *надо* беречь.

Всего Вам хорошего.
П. Рутенберг

18 nov. 928. Naifa

КОММЕНТАРИЙ

1.

1. С. Мстиславский – псевдоним Сергея Дмитриевича Масловского (1876-1943). Писатель, публицист, революционный и общественный деятель, близкий к партии эсеров, масон, он был одним из организаторов вооруженного восстания в Петербурге и Кронштадте в 1905 г., стоял во главе Всероссийского военного союза офицеров и был редактором газеты „Народная армия”(1906-1908). Будучи свидетелем и участником событий первой русской революции, задумал написать пять книг под общим названием *На тропе. Роман о моей жизни*. Первая из них – роман *На крови* – вышла в 1928 г. (Москва–Ленинград, ГИЗ) В том же году по роману была поставлена пьеса *На крови*.

2. См. С. МСТИСЛАВСКИЙ, *Смерть Гапона*, Москва: изд. „Огонек” 1928; С. МСТИСЛАВСКИЙ, *Отрывки о пятом годе*, „Каторга и ссылка. Историко-революционный вестник” 1928, № 2(39), с. 7-36. Используя разного рода материалы о событиях 1905-1907 г.г, в том числе воспоминания П. Рутенберга о смерти Г. Гапона, С. Д. Масловский трактовал их весьма субъективно, придавая роману *На крови* черты бульварной беллетристики. Так, глава о казни Гапона имела название *Трагический балаган*, а Рутенберг предстал в ней циником, срежессировавшим „спектакль, чище, чем Мейерхольд блоковский *Балаганчик*” (С. МСТИСЛАВСКИЙ, *На крови*, Москва–Ленинград 1928, с.288).

2.

1. См. примеч. 1 к письму 1.

2. Говоря о необходимости возразить С. Мстиславскому, Горький имел в виду искажение фактов в сцене убийства Г. Гапона. У Мстиславского она намеренно „обалаганена”: рабочий, повесивший Гапона, предлагает рядом на крюке повесить и Рутенберга, приговаривая: „Гапон – Иуда, да и тот гусь – хорош. Любо это будет рядышком”. (С. МСТИСЛАВСКИЙ, *На крови...*, с. 307)

3. См. письмо 1 и вступительную статью.

4. В письмах Рутенберг неоднократно жаловался, что ведет в Палестине очень тяжелую жизнь, т.к. ему приходилось преодолевать и противодействие английских властей и нападения палестинцев. Как глава *Palestine Electric Company* он реализовывал свои инженерные проекты в обстановке сопротивления даже его собственных сотрудников. Так, в 1928 г. на металлообрабатывающем заводе в Хайфе, который производил столбы для линии электропередач, вспыхнула забастовка. (В. ХАЗАН, *Пинхас Рутенберг...*, с. 613-614).

5. М. ГОРЬКИЙ, *Жизнь Клема Самгина*, т. I, Москва 1927; М. ГОРЬКИЙ, *Собрание сочинений*, т. XXI, Берлин 1928.

После напряженной поездки по стране в июле – августе 1928 г. Горький заболел обострением хронического легочного процесса и 12 октября уехал в Сорренто. Газета „Правда” 13 октября (№239) сообщила о болезни писателя и опубликовала заключение консилиума врачей, которые рекомендовали Горькому „немедленно уехать в Италию”

ИЗ ПЕРЕПИСКИ М. ГОРЬКОГО И П. РУТЕНБЕРГА

Резюме

В статье Л. Спиридоновой дан анализ переписки М. Горького с П. М. Рутенбергом, инженером, видным деятелем эсеровской партии в 1905-1909 г.г, одним из основателей независимого еврейского государства. Она длилась с 1909 до 1936 год и охватывала самые разные темы: убийство священника Гапона, деятельность партии эсеров в начале XX века, русско-итальянские культурные связи, строительство первой электрической компании в Палестине, помощь Горького культурному процессу в Эрец-Исраэле. В качестве примера приводятся два неизвестных письма 1928 года, в которых Горький и Рутенберг обмениваются мнениями по поводу вышедших в СССР исторических книг об убийстве Гапона. В целом статья открывает неизвестную страницу истории XX века.

Z KORESPONDENCJI M. GORKIEGO I P. RUTENBERGA

Streszczenie

W artykule przedstawiono analizę korespondencji M. Gorkiego i P. Rutenberga, która trwała od 1909 do 1939 r. i dotyczyła różnorodnych problemów, m.in.: zabójstwa Gaпona, działalności partii Eserów w początkach XX w. czy rosyjsko-włoskich relacji kulturowych. Jako materiał egzemplifikacyjny przedstawiono dwa niepublikowane listy z roku 1928, w których Gorki i Rutenberg wymieniają poglądy na temat opublikowanych w ZSRR książek ukazujących sprawę Gaпona.

FROM CORRESPONDENCE OF M. GORKY AND P. RUTENBERG

Summary

The article Spiridonova L. the analysis of correspondence with M. Gorky and P. Rutenberg an engineer, a prominent figure of the socialist revolutionary party in 1905-1909 ag., one of the founders of an independent Jewish state. It lasted from 1909 to 1936 and covered a variety of topics: murder of the priest Gapon, the activities of the socialist party in the early twentieth century, the Russian-Italian cultural ties, the construction of the first electric company in Palestine, through bitter cultural process in Eretz-Israel. As an example, are two unknown letters of 1928, in which Gorky and Rutenberg exchange opinions about released in the USSR historical books about the murder of Gapon. In General, the article reveals an unknown Chapter in the history of the twentieth century.

Ключові слова: Ключевые слова: Горький, Рутенберг, переписка, проблемы истории.

Słowa kluczowe: Gorki, Rutenberg, korespondencja, problemy historii.

Key words: Gorky, Rutenberg, correspondence, historical problems.

RASZYT M. JANGIROW, „*Рабы Немого*”: *Очерки исторического быта русских кинематографистов за рубежом. 1920-1930-е годы*, Moskwa: „Русский путь” 2007, ss. 496.

Tematyka emigracyjna od wielu lat pozostaje stałym elementem dyskursu literaturoznawczego i kulturoznawczego na gruncie zarówno polskiej, jak i rosyjskiej slawistyki. Przy okazałej liczbie publikacji poświęconych twórczości literackiej w diasporze, prac traktujących w całości o fenomenie emigracyjnej kinematografii jest naprawdę niewiele¹. Mimo iż kino rosyjskie różnych lat i jego związki z innymi dziedzinami kultury wywołują duże ożywienie wśród badaczy, długo pomijano wątek emigracyjny. Zdecydowanie częściej koncentrowano się wokół kina radzieckiego, czy przedrewolucyjnego. Wiąże się to zapewne z większymi możliwościami uchwycenia zjawiska, bowiem w obu wypadkach mamy konkretnie zaznaczone granice czasowe i terytorialne oraz dysponujemy

¹ Na osobną uwagę zasługują publikacje N. Nusinowej: *Когда мы вернемся в Россию: Русское кинематографическое зарубежье (1918-1939)*, Moskwa 2003; *Кинематограф русского зарубежья*, в: *Страницы истории отечественного кино*, ред. Л. Будяк, Moskwa 2006.